

* * *

Эти красные ягоды бузины
В этом мокром, неровном, кривом лесу
Мне в награду за темные дни даны.
Я люблю эти ягоды и росу.

Я люблю эти ягоды и следы
От слизней на серой шляпке гриба.
Целокупный мир дождевой воды.
Не внушайте мне только, что жизнь — борьба.

На тропинке — крапивниц цветной аврал,
Лягушонка белый смешной живот.
И ты можешь назвать меня «либерал»
(Я свободу люблю!) или «патриот»,

Потому что счастливее нет страны,
Где ты можешь увидеть в кривом лесу
Эти красные ягоды бузины,
Эту птицу, парящую на весу.

* * *

Я программу скачал в Интернете.
Есть такая забава на свете —
Интереснее многих, мой свет.
Мне теперь предоставлены в цвете
Фотографии прожитых лет.

Снова катятся детские санки
В первозданной моей тишине
И ступенчатость зимней огранки
Черно-белой не кажется мне.

На карнизе стальная голубка
Стала сизой, и алой — закат.
Я узнал свою рыжую шубку
И коричневых пуговиц ряд.

Как давно это было, однако!
Синий дым над трубою дрожит,
И трехцветная эта собака
Рядом с санками бодро бежит.

Желтизна скособоченной печки,
На тарелке цветные драже,
И на санках кривые дощечки
Темно-синими стали уже.

О, как залита солнцем округа!
Золотисты сугробы двора.
Но еще изумительней, други,
Разноцветный рисунок ковра.

Как узоры тонки и красивы!
И уже понимаешь без слов,
Почему наши русские дивы
Все позируют возле ковров.

Как он связан с природой суровой,
С невеселою русской судьбой!
...Цвет бывает весомее слова —
Фиолетый, желтый, лиловый,
Светло-розовый и голубой...

* * *

Я деньги на книжку просил у него.
А он на меня, как баран на ворота
Смотрел, был не в силах понять ничего,
И чувствовал я неприятное что-то.

Я помню его опечаленный вздох
И выдох, и щечек бордовые пятна.
И был для него я не лузер, не лох,
А некий игрок, чья игра непонятна.

И был для него я заштатный хитрец,
Солидных людей разводящий на бабки,

Такой же, как он, прохиндей-удалец,
Для виду одетый в плебейские тряпки.

«Конечно, культура нам тоже нужна, —
Промямлил он вяло, — но все ж, извините,
(Зачем ты пришел к нам, какого рожна?!)
Так трудно с деньгами...А впрочем, звоните...»

Звоните, звоните...Стальные стрижи
Безмозглое небо стригут спозаранку,
И в сердце втыкают стальные ножи.
А много ли надо сегодня подранку?

Среди узаконенной русской трухи
Живешь абы как, не скрывая опаски,
Не в силах отвлечься от той чепухи,
Что в книжках должны появляться стихи
И пахнуть всегда типографскою краской!

Я помню, коллега мой старший, в Кремле,
Над Волгой замерзшей (а впрочем, звоните!)
Немного смущаясь, показывал мне
На строчки свои, что блестят на граните.

Под снегом белел отрешенно обком.
Снежинки кружились и падали наземь.
И все мне казалось — меж тем стариком
И этими строчками не было связи.

Он умер недавно. Я тоже умру.
О, как далеко нам до славы народной!
Но как притягательна жизнь на миру!
Как жалко дрожали на зимнем ветру
Тесемки от шапки его старомодной!

Ау, гонорары! Не стоит тужить,
Что канули в вечность багряные флаги.
Ведь жизнь не закончилась! Можно прожить
Без слов на граните, без книжной бодяги.

За печкой трещит колченогий сверчок.
И что ему мир нуворишей и выжиг?
Он песнею счастлив своей, дурачок,
И нет ему дела до спонсорских книжек.

* * *

Я видел Рим, я видел эту синь
Нерукотворных фресок Рафаэля,
И чудо римских мраморных святынь,
И роскошь итальянского апреля.

Извилистые видел берега,
Причудливые камешки у мыса.
Там пиния изящна и строга,
И талия стройна у кипариса.

А на Востоке, где стоит луна
Ущербная, где дремлет старина
И рвется ввысь пирамидальный тополь,
Там Рим Второй, там древняя стена...
Я видел и тебя, Константинополь.

Наш Третий Рим страшнее первых двух —
Стрелецких казней сатанинский дух
Был русскими прочувствован и понят.
Наш Вечный Город не для слабаков —
Божественные сорок сороков
И отпоют тебя, и похоронят.

И как отметил старец Филофей
В скуфейке старой, вечности трофей,
«Четвертому не быть!» И как проказы
Боится мир, напичканный трухой,
Не русской смуты, подлой и бухой,
А этой гордой стариковской фразы...